

Заславская, О. Учредительная конференция международной Ассоциации исследователей Самиздата / О. Заславская, А. Даниель, Э. Комароми [и др.] // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2007. — С. 251–257.

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ САМИЗДАТА

25—26 ноября 2005 г. в Будапеште (Венгрия) состоялась учредительная конференция Международной ассоциации исследователей самиздата (*International Samizdat [Research] Association*) — ISRA. Ассоциация является неофициальной сетью архивов, музеев, исследовательских центров и других учреждений и индивидуальных исследователей со всего мира, сохраняющих документы и материалы самиздата и изучающих самиздат как исторический феномен. Этимология названия ассоциации связана с Международной ассоциацией исследователей самиздата радио «Свободная Европа» / «Свобода», которая была основана в 1976 г. с целью поощрения усилий по подготовке текстов и документов самиздата для использования библиотеками и учеными, поддержки научно-исследовательской работы с материалами самиздата.

Концепция создания ISRA была предложена в 1994 г. Архивом «Открытое общество» (Будапешт, Венгрия) и Обществом «Мемориал» (Москва, Россия). Членство в ассоциации открыто для учреждений и индивидуальных исследователей, активно занимающихся изучением самиздата и желающих сотрудничать в архивных, исследовательских, издательских и образовательных проектах в этом направлении.

Организациями-основателями Международной ассоциации исследователей самиздата выступили Архив «Открытое общество» (Венгрия), Общество «Мемориал» (Россия), Центр «Карта» (Польша), Библиотека и Архив института Кестон (Великобритания), Международный институт социальной истории (Нидерланды), Центр восточноевропейских исследований Бременского университета (Германия), Музей-архив украинского самиздата (Украина), Чехословацкий центр документации (Чехия), Центр исследований современной истории (Германия), Общество Роберта Хавемана (Германия).

Более подробно с материалами учредительной конференции ISRA можно ознакомиться на сайте <http://www.osa.ceu.hu/samizdat/>

Редакционная коллегия «Российских и славянских исследований» предлагает вниманию читателей некоторые материалы участников учредительной конференции.

«АРХИВ САМИЗДАТА» В ФОНДАХ АРХИВА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО»

В период социализма документы самиздата не подлежали практике государственного архивирования, за исключением, пожалуй, только тех случаев, когда органы безопасности уделяли особое внимание самиздатским текстам и их авторам. Кроме того, большинство документов, в силу их особой природы и характера тиражирования и распространения, оказались за пределами тех стран, где они были созданы. Так, документы польского происхождения можно найти как в архиве такой организации, как КАРТА (Польша), так и в фондах ряда институтов Венгрии, Германии и Соединенных Штатов. Подобная же ситуация и с материалами самиздата других стран.

В 1968 г. при Исследовательском отделе радиостанции Свобода был создан специальный отдел, в задачи которого входил систематический анализ самиздатских документов, поступавших на радиостанцию по разным каналам¹. В том же самом году радиостанция начала передавать самиздатские тексты (в основном на политические и социальные темы) в своих радиопередачах. Специальные правила в отношении самиздатских документов были установлены в соответствии с миссией и задачами радиостанции Свобода (позже — радиостанций Свобода и Свободная Европа, после их объединения в 1977 г.), которые были закреплены в соответствующих документах. Основная задача ра-

ботников отдела Самиздата заключалась в оценке ценности и достоверности документов, их обработке, аннотации и подготовке наиболее важных документов к передаче в программах для Советского Союза.

Важность феномена самиздата была осознана сотрудниками различных подразделений радиостанций задолго до распада Советского Союза. Но особый характер самиздатских документов и необходимость защиты источников поступления информации, а зачастую и авторов самиздата требовали ограничения доступа к самим документам. В «Правилах обработки документов самиздата» (1979 г.) указывалось, что «ни один из оригиналов документов не может быть копирован или использован без специального разрешения куратора Архива самиздата» (до 1988 г. Питер Дорнан возглавлял отдел, а после его выхода на пенсию отдел возглавил Марио Корти). Вынужденные ограничения доступа к документам определили и особенности их распространения и публикации. Первоначально документы самиздата не публиковались, а распространялись среди сотрудников радиостанций в форме меморандумов. Позже документы стали публиковаться в форме бюллетеней под названием «Материалы самиздата», но только для внутреннего пользования.

В 1971 г. был предпринят первый большой проект по публикации самиздатских документов. К этому времени важность самиздата стала очевидной для большинства западных политологов, но также стало очевидно,

что необходимо объединение усилий ряда заинтересованных организаций, что было связано в первую очередь с особенностями распространения этих документов и, в частности, передачи на Запад. В апреле 1971 г. ученые, исследователи и журналисты, имеющие опыт работы с самиздатовскими материалами, встретились в Лондоне на специально организованной конференции, посвященной значению самиздата и перспективам исторического развития. Участники согласились со своевременностью и важностью создания единого централизованного архива как с точки зрения научных, так и исторических перспектив. В качестве места централизованного архива был выбран Исследовательский отдел радиостанции Свобода. Более 100 ученых, журналистов и официальных организаций приняли участие в создании Архива Самиздата². В свою очередь радио Свобода приняло на себя обязательство обеспечить доступ к документам самиздата, в результате чего в 70-е гг. было опубликовано 30 томов «Собрания документов самиздата», включивших около 3 тыс. документов³. Многотомное издание собрания было передано в ведущие европейские и американские библиотеки.

А в 1976 г. группа специалистов-советологов встретилась в Мюнхене, на которой была создана Ассоциация архивов самиздата (Samizdat Archives Association (SAA) — независимая международная исследовательская организация. Организаторы ставили своей целью объединить усилия, направленные на обеспечение доступа к текстам самиздата как для библиотек и архивов, так и заинтересованных ученых и исследователей. Кроме того, в задачи ассоциации входила поддержка проектов, которые использовали бы документы самиздата для исследовательских целей.

В начале 1990-х гг. Отдел самиздата разработал специальное предложение по презервации и улучшении доступа к коллекции самиздата. Для этих целей предусматривалось нахождение дополнительных источников финансирования на осуществление всего комплекса работ по обработке и сохранению документов, включая каталогизирование и микрофильмирование. В документе подчеркивается, что, учитывая важность вышеуказанных документов для современной политической ситуации, можно предвидеть рост интереса к данным материалам со стороны исследователей в ближайшем будущем. Для того чтобы сохранить и одновременно обеспечить доступ к этому важному и уникальному документальному комплексу, Исследовательский институт предлагает микрофильмировать всю коллекцию (более 7000 зарегистрированных документов самиздата), а также создать каталог к ранее не обработанным документам (количество которых к тому моменту превышало 15 000). Особо подчеркивалось плохое качество бумаги и связанная с этим опасность разрушения и исчезновения текстов⁴.

К сожалению, в 1992 г. отдел был расформирован, а два года спустя Исследовательский институт радиостанций Свобода и Свободная Европа был закрыт, а архивные коллекции, в том числе Архив Самиздата, были перевезены в Будапешт. Однако проблемы, указанные в этом документе, сохраняют свою актуальность, и это касается не только коллекции советского самиздата в Архиве Открытого общества, но распространяется на все подобные коллекции.

В настоящее время география архивов и исследовательских центров, где можно найти документы самиздата, а также частных коллекций весьма обширна⁵.

Сложившаяся ситуация в области сохранения наследия самиздата и необходимость дальнейшего сотрудничества в области исследований обсуждались на ряде встреч и конференций и стали одним из движущих мотивов создания Международной ассоциации по исследованию самиздата (International Samizdat [Research] Association), официальное открытие которой состоялось в ноябре 2005 г.

Ольга Заславская, старший архивист Архива «Открытое общество» при Центрально-Европейском университете, Будапешт, Венгрия, куратор коллекции «Архивы самиздата»

¹ Interview with Mario Corti. HU OSA 206 Administrative History Files.

² Register of Documents. Munich. 1973. С. 3.

³ Собрание документов самиздата. HU OSA 300-85-9.

⁴ Register of Documents. Munich. 1973. P. 3.

⁵ Список, постоянно пополняющийся по мере поступления новой информации, в настоящее время насчитывает около 30 организаций.

СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ И САМИЗДАТ

В истории инакомыслия диссидентская эпоха ограничена определенными временными рамками — приблизительно с середины 1960-х и до начала 1980-х. Диссидентский тип инакомыслия имеет резко специфические черты, кардинально отличающие его от оппозиционных движений других эпох советской истории.

Во-первых, диссидентское инакомыслие — публично. Гласность и открытость протеста, осознанный отказ от анонимности подполья являются его базовыми характеристиками. Во-вторых, диссиденты категорически отрицали какое бы то ни было насилие как средство борьбы. В-третьих, в центре внимания диссидентов были права и свободы личности, а не политико-идеологические конструкции, что также достаточно необычно для общественной оппозиции. В-четвертых, диссиденты декларировали (и в целом соблюдали) лояльность даже к действующим законам. Эта лояльность вытекала не только из уважения диссидентов к позитивному праву как

таковому, но и из отношения к праву как универсальному полю для диалога. Наконец, необычным был сам образ действий советских диссидентов. А. Д. Сахаров определил его как осуществление прав и свобод личности «явочным порядком». Последний принцип наиболее ярко воплотился в механизме самиздата, который именно в диссидентскую эпоху стал не просто способом бытования неподцензурных текстов, а общественной институцией, моделью и прообразом свободной печати. В ту пору слово «самиздат» даже начинают писать с заглавной буквы — Самиздат (в самиздатских текстах, разумеется).

Самиздат (в широком смысле этого слова включающий и «тамиздат», т. е. публикации за рубежом) — это основной инструмент диссидентской активности. Иных инструментов,

в сущности, почти не было, а те, что все же изредка встречались, — голодовки, митинги и т. п. — воспринимались как маргинальные и экзотические по сравнению с самиздатской деятельностью.

Под словом «самиздат» подразумевается не сам текст, а способ его бытования. Самиздат — это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде. Автор может лишь «запустить текст в Самиздат», дальнейшее не в его власти.

«Тамиздат» (термин, пародийно повторяющий слово «самиздат», которое, в свою очередь, пародировало официальное «Госиздат») — это, в советском словоупотреблении 1970-х гг., тексты, опубликованные в зарубежных издательствах и нелегально ввезенные в Советский Союз.

Коснемся вопроса о временных рамках самиздата. Что касается нижней границы, то не существует принципиальной разницы между Самиздатом пушкинской и хрущевской эпохи. Хотя, конечно, распространение запрещенной литературы в списках смогло стать значимым общественным явлением лишь с вхождением в быт пишущих машинок. Появление пишущих машинок в личном владении стало для свободы мысли тем же, чем изобретение Гуттенберга для культуры в целом.

А вот вопрос о верхней границе несколько более сложен. Ясно, что исчезновение Самиздата не могло произойти позже, чем летом 1990 г., когда в СССР была отменена цензура как государственный институт. Однако Самиздат (в нашем понимании этого слова) исчез, несомненно, раньше. Когда же: в 1987 г. — с началом перестройки? В начале восьмидесятых — с усилением репрессий?

Я полагаю, что упадок самиздатской деятельности наступил еще намного раньше, в конце семидесятых годов, и был связан не с репрессиями, а, наоборот, благодаря появлению новых альтернативных возможностей. В первую очередь, благодаря «тамиздату».

Если вернуться к определению, с которого мы начали: самиздат — это литература, размножающаяся в процессе своего распространения самими читателями. В чем специфика распространения самиздата, начиная с XVII в.? Именно в слиянии функций читателя, пользователя литературы и издателя. В самиздатском процессе издатель и читатель — это одно и то же лицо. К большинству изданий «нового самиздата» конца 1980-х это определение не подходит — у них были вполне определенные издатели. Не авторы, не составители (эти роли существовали и в «классическом» Самиздате), а именно издатели, организаторы тиражирования и распространения. Читатели к этой части процесса отношения уже не имели. Произошло разделение функции издателя и читателя, и самиздат перестал быть самиздатом.

Александр Даниэль, член Правления общества «Мемориал», Москва, Российская Федерация

«САМИЗДАТ» И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Историк Н. Эйдельман, отмечая специфику альтернативных публикаций советской эпохи, писал о том, что «самиздат» и «тамиздат» ассоциируются с осознанием законных прав граждан и являются формой создания гражданского общества. «Общество не может быть удовлетворено только тем, что дает ему правительство. «Самиздат» — это как «сам ходит», «сам говорит» — такова естественная форма его самоопределения. Слово «сам» здесь так важно, так демократично, так созидательно, что способно вызвать душевную дрожь...»¹ Я хочу подчеркнуть две вещи, вытекающие из комментариев Эйдельмана. Во-первых, стрем-

ление к новому гражданскому обществу является ключом к пониманию Самиздата как культурного феномена поздней советской эпохи. Во-вторых, история Самиздата шире, чем традиционные представления о нем, и включает не только социальные и политические, но и культурологические аспекты.

Формирование критически направленной общественной мысли вытекает из самой функции искусства. Немецкий социолог и философ Ю. Хабермас описал процесс появления и развития «альтернативной общественности» в Западной Европе, в основе которого лежали общественные дебаты, базирующиеся на «индивидуальном акте чтения»². В Советском Союзе становление движения за гражданские права также основывалось на появлении неподцензурного искусства. Достаточно напомнить об общественном резонансе судебных процессов над поэтом И. Бродским и особенно писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. И. Бродский,

чья в высшей степени интимная лирика сделала его мишенью официального преследования в Советском Союзе, утверждал в своей нобелевской речи в 1987 г., что «если искусство чему-либо и учит (в первую очередь художника), то прежде всего — частности человеческого существования». *По этой причине эстетика является «матерью этики»*³.

Французский социолог П. Бурдьё отмечал, что становление политически активных интеллектуальных групп во Франции конца XIX в. зависело от автономности различных артистических и литературных кругов, в которых интеллектуалы обсуждали спорные политические и социальные вопросы. П. Бурдьё цитирует слова Э. Золя «Я обвиняю» как кульминацию процесса освобождения категорий правды и справедливости от политических и экономических ограничений. Интеллектуал утверждает себя в качестве такового вмешательством в публичную сферу во имя независимости культуры и ценностей, которые она сохраняет⁴.

Когда советская интеллигенция попыталась после смерти Сталина воссоздать «критическую мысль» в СССР с помощью Самиздата, она опиралась на неподцензурную литературу и искусство, необходимость которых доказывали А. Синявский, Ю. Даниэль, И. Бродский и др. Влияние А. Солженицына как общественной фигуры (хотя он и не вписывался в западную либеральную модель) было утверждено именно таким путем — посредством его литературных произведений.

Модель П. Бурдьё кажется мне особенно ценной с этой точки зрения: она описывает меняющиеся взаимоотношения между различными избранными «позициями» и «стратегиями», используемыми неофициальной советской культурой. *Иллюзия общности* неподцензурной сферы создавалась оппозиционностью официальным советским порядкам. Однако эта «оппозиция» означала разные вещи. Так, Вен. Ерофеев, как писатель Самиздата, был гораздо дальше от советских официальных кругов, чем А. Битов. А. Сахаров занимал более «прозападную» позицию, чем А. Солженицын. История диссидентства и неофициального искусства отражает давление как советского государства, так и поляризованных сил на Западе. Политическая и художественная составляющие неподцензурной культурной сферы, органично связанные между собой в период возникновения и роста, стратегически разделились, как только эта сфера приобрела определенное, пусть и символическое, влияние.

Это разделение нашло свое отражение и в деятельности западных союзников советских диссидентов. В конце 1960-х гг. исследовательский отдел радио «Свободная Европа»/«Свобода» принял решение записывать и публиковать самиздатовские документы, имевшие только политическое или экономическое значение в контексте холодной войны. Сегодня сами организаторы признают пробелы, возникшие при таком методе обработки материалов⁵. Настоящий момент кажется особенно благоприятным для возобновления изучения Самиздата как феномена истории культуры. Воссоединение политического и художественного аспекта этого явления на методологическом уровне может повлиять на его оценку и с точки зрения других научных дисциплин.

Московское диссидентство и «вторая культура» Ленинграда были частью более широкой системы, которая включала также провинциальные города и советские республики. Каково было состояние неофициальной культурной сферы в Беларуси, Грузии, Литве, Украине и как «самиздат» этих республик зависел от общей сети «самиздата/тамиздата»? Каким образом воздействовали на систему интересы Запада, проявляемые через «тамиздат»? Каковы были условия деятельности альтернативных печатных изданий в странах Восточной Европы, где, по примеру СССР, возник собственный «самиздат»? Какие аспекты альтернативной культуры, ассоциирующиеся с «самиздатом», присутствуют в изданиях китайских диссидентов? Какие черты «самиздата» можно найти в постсоветских Интернет- изданиях? Все эти вопросы еще требуют ответов.

Эн Комароми, Университет Торонто, Канада

¹ См. интервью Н. Эйдельмана от 25 ноября 1989 г. «Время, сулившее столько надежд» в кн.: Другое искусство. М., 1956—1976. Т. 1: К хронике художественной жизни / издатели Л. П. Талочкин и И. Г. Алпатова М.: Художественная галерея: «Московская коллекция» и СП «Интербук», 1991. С. 7—12, 10—11.

² Ю. Хабермас прослеживает процесс, который начался в конце XVII и продолжался до конца XX в. См. главу вторую «Структурной трансформации общественной сферы. Исследование понятия буржуазного общества» (пер. Strukturwandel der Öffentlichkeit, 1962, пер. Томаса Бюргера и Фредерика Лоуренса, Кембридж, МА: MIT Press, 1991).

³ См.: И. Бродский. Неизвестный портрет. Нобелевская лекция. Пер. Барри Рубина, в кн.: И. Бродский. В рассудке и печали. Эссе. Нью-Йорк: изд-во Фаррар-Страус-Жиру, 1995. С. 44—58.

⁴ Бурдьё П. Правила искусства. Генезис и структура литературного поля. Париж: изд-во Сей, 1998. С. 216—217.

⁵ См. Историю архива Самиздата РС/РСЕ, HU OSA 300-85, <http://www.ose.ceu.hu/db/fa/300-85.htm>.

СОВЕТСКИЙ САМИЗДАТ И ЗАПАДНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ ОБЩЕГО И ПРОТИВОПОЛОЖНОГО

Изучение истории России и Советского Союза является важной составной частью американской и европейской школ гуманитарных и социальных наук. В течение послевоенных десятилетий в государствах Запада сложилась система российских, советских, а затем и постсоветских исследований, с определенными традициями, теоретическими концепциями и методологическими подходами. Американские и западноевропейские научные

публикации по истории России и Советского Союза составляют сегодня неотъемлемую часть мировой историографии, а многие работы ведущих западных ученых-русистов и советологов признаны классическими. Публикуемые монографии, издающиеся научные журналы, проводимые конференции и симпозиумы являются реальным результатом деятельности научного сообщества, опирающегося на серьезные традиции и солидную организационную базу. Начавшая складываться в конце 1940-х — начале 1950-х гг. система организаций и институтов, занимающихся российской и советской проблематикой, приобрела к настоящему времени четкую структуру, охватывающую все ступени образования и научных исследований.

Среди главных проблем советской истории одно из центральных мест занимает анализ происхождения диссидентского движения в Советском Союзе и истории советского «самиздата». Изучение этого явления остается в центре внимания историков вплоть до сегодняшнего дня. Большое количество статей, книг и обзоров посвящены анализу советского самиздата. Однако, с нашей точки зрения, один из аспектов истории самиздата требует дальнейшего изучения. Это — история взаимного отношения западной советологии и советского самиздата. Проблема находится в русле одного из важнейших направлений

исторической науки — изучения накопления исторического знания, методология интерпретации исторических явлений, становления и развития научных школ и парадигм в исторической науке.

Советские диссиденты представлялись западному обществу, а зачастую и западным советологам однородным течением, и воспринимались прежде всего как противники советского строя. Позитивная составляющая советского инакомыслия, отраженная в публикациях самиздата, интересовала западное общество в меньшей степени, чем критическая. В свою очередь в советском интеллектуальном сообществе западные специалисты долгие годы воспринимались как представители некоего монолитного научного сообщества и, в зависимости от политических и идеологических пристрастий определенных страт советской интеллигенции, оценивались или как абсолютные политические противники, или как безусловные союзники.

На самом деле ни советское диссидентское движение, ни западная советология никогда не были едиными, всегда представляли широкий спектр мнений по истории российского и советского общества. Внутри советологии и самиздата существовали различные потоки, далеко не всегда находившие общий язык между собой. Исследование общего и противоположного в их взаимных отношениях все еще ждет своего исследователя.

Любая классификация работ как западных исследователей, так и советских диссидентов достаточно условна, но в то же время некоторые отличительные черты научных школ, безусловно, могут быть выделены. Анализ тенденций взаимовлияния, противоборства и взаимоотношений двух течений общественно-политической мысли второй половины XX в. представляется чрезвычайно важной и интересной задачей современной историографии.

Вячеслав Меньковский, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь